Антиконкурентные соглашения: юридическая сущность и правовые последствия

ИСТОМИН Валерий Геннадиевич, заведующий кафедрой частного права Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66
E-mail: 5555VS@rambler.ru

В современном российском конкурентном праве предусмотрены запреты различного рода противоправного поведения хозяйствующих субъектов на товарных рынках. В частности, законодательство оперирует такими категориями, как «ограничивающие конкуренцию соглашения» и «ограничивающие конкуренцию согласованные действия». При этом указанные виды антиконкурентного поведения недостаточно исследованы с точки зрения их юридической сущности, а теория и судебная практика не всегда готовы дать четкие рекомендации для правоприменителя об основаниях применения того или иного запрета. Также вызывают споры и различные аспекты применения к антиконкурентным соглашениям законодательства о недействительных сделках, в том числе с учетом изменений гражданского законодательства.

Целью настоящей работы является анализ правовой природы ограничивающих конкуренцию соглашений, определение их места в системе юридических фактов современного права, рассмотрение теоретических и практических проблем квалификации антиконкурентных соглашений в качестве недействительных сделок.

Задачи исследования: характеристика понятия ограничивающего конкуренцию соглашения, форм и видов данных соглашений, анализ практики применения законодательства о защите конкуренции в части оценки правовой природы антиконкурентных соглашений.

Методами исследования являются формально-логическое толкование, системный и сравнительный анализ.

Автор приходит к выводу об отнесении ограничивающих конкуренцию соглашений к двусторонним или многосторонним противоправным волевым действиям юридически равноправных субъектов, т. е. к юридическим фактам гражданского права — недействительным сделкам, а также констатирует отсутствие в определенных случаях правовых критериев для отнесения антиконкурентного поведения к ограничивающим конкуренцию соглашениям либо к согласованным действиям, что создает угрозу нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов. С учетом действующей редакции ст. 168 ГК РФ высказано мнение о возможности отнесения ограничивающих конкуренцию соглашений как к ничтожным, так и к оспоримым сделкам, но при этом предлагается исключить указание на нарушение публичного интереса из числа предусмотренных в данной статье оснований для признания сделки ничтожной в силу недостаточной определенности понятия «публичный интерес». Также формулируются некоторые рекомендации для законодателя.

Ключевые слова: антиконкурентные соглашения, юридические факты, недействительная сделка, согласованные действия, баланс частных и публичных интересов.

Anticompetitive Agreements: Legal Essence and Legal Implications

V. G. ISTOMIN, head of the Department of private law of the Ural Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, candidate of legal sciences, associate professor
66, Vosmogo Marta st., Ekaterinburg, Russia, 620144
E-mail: 5555VS@rambler.ru

In modern Russian competition law there are various prohibitions of wrongful conduct by entities in commodity markets. In particular, the legislation operates such categories as “competition-restricting agreements” and “competition-restricting concerted actions”. At the same time, these types of anticompetitive behavior are not sufficiently investigated from their legal nature's point of view. Moreover, the theory and law are not always ready to provide clear recommendations for a law

enforcer on grounds for applying one or another prohibitions. There are also disputes over various application aspects of legislation on invalid transactions to anti-competitive agreements, including changes to civil legislation.

The purpose of this work is to analyze the legal nature of agreements that restrict competition, identify their place in the system of legal facts within modern law, consider the theoretical and practical problems of the anticompetitive agreements qualification as invalid transactions.

The objectives of the study are: the characteristic of the competition-restricting agreement concept, the forms and types of these agreements, the analysis of the practice of applying competition protection legislation in assessing the legal nature of anticompetitive agreements.

Research methods are the method of formal — logical interpretation, system and comparative analysis.

In the course of the study, the author comes to the conclusion that the agreements restricting competition are bilateral or multilateral unlawful willful acts of legally equal subjects, i.e. legal facts of civil law or invalid transactions. The author also underlines the absence in certain cases of legal criteria for attributing anticompetitive behavior to competition-restricting agreements or to concerted actions, which creates a threat of violation of the rights and legitimate interests of economic entities. In addition, the author, taking into account the modern version of the Article 168 of the Civil Code of the Russian Federation, expresses the opinion that it is possible to classify competition-restricting agreements as null and controversial transactions. However at the same time it is proposed to exclude an indication of a public interest violation from the grounds provided for in this article in order to recognize the transaction as void due to the lack of certainty of the public interest concept. In the course of the study, some recommendations for the legislator are formulated.

Keywords: anticompetitive agreements, legal facts, invalid transaction, concerted actions, balance of private and public interests.

DOI: 10.12737/art_2018_12_6

Одним из видов монополистической деятельности как противоправного поведения хозяйствующих субъектов отечественный законодатель в ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции) называет *ограничивающие конкуренцию соглашения*. В соответствии с п. 18 ст. 4 указанного Закона соглашением признается «договоренность в письменной форме, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также договоренность в устной форме». В современной юридической литературе преобладающей является позиция (разделяемая в том числе представителями антимонопольного органа), что применительно к антиконкурентному соглашению речь идет об объективно выраженной форме волеизъявления, «которая в отдельных случаях может иметь форму договора, однако всегда предполагает намеренный и целенаправленный двусторонний (многосторонний) обмен информа-

цией, характеризующей поведение лиц, достигших договоренности»¹. При этом круг соглашений включает все виды хозяйственных договоров, решения объединений (союзов, ассоциаций) юридических лиц и любые иные формы фиксации договоренностей хозяйствующих субъектов².

Запрет на заключение ограничивающих конкуренцию соглашений также установлен в нормах иностранного и международного конкурентного права. Американский Закон Шермана 1890 г. под страхом уголовного наказания запрещает «соглашения в форме треста, тайные сговоры и иные действия, направленные на ограничение торговли и коммерческих отношений

¹ Сушкевич А. Г. Антиконкурентные соглашения: запреты, исключения из запретов и их пределы в новом Федеральном законе «О защите конкуренции» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 6.

² См.: Конкурентное право России: учебник / отв. ред. И. Ю. Артемьев, С. А. Пузыревский, А. Г. Сушкевич. М., 2014. С. 186.

между штатами или с иностранными государствами». В соответствии со ст. 101 Договора о функционировании Европейского Союза от 25 марта 1957 г. запрещаются любые соглашения между предприятиями, любые решения объединений предприятий и любые виды согласованной практики, которые способны затрагивать торговлю между государствами-членами и имеют целью или результатом создание препятствий для конкуренции в рамках внутреннего рынка, ее ограничение или искажение.

Наука отечественного конкурентного права и российское антимонопольное законодательство выделяют следующие виды антиконкурентных соглашений: горизонтальные, вертикальные и иные (в частности, конгломеративные)³. Горизонтальные соглашения заключаются между хозяйствующими субъектами, находящимися в отношениях реальной или потенциальной конкуренции. При этом потенциальными конкурентами считаются хозяйствующие субъекты, имеющие все необходимые возможности, в том числе ресурсы, оборудование, персонал и т. п., для производства соответствующего товара, выполнения работы или оказания услуги и намеренные выйти на данный рынок, но не осуществляющие эту деятельность на текущий момент⁴. Наи-

более опасными среди горизонтальных соглашений являются картельные соглашения, т. е. такие, которые направлены на достижение целей, указанных в ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции. Вертикальными называются соглашения между хозяйствующими субъектами, один из которых приобретает товар, а другой предоставляет (продает) товар. К категории иных соглашений можно отнести те, которые не охватываются понятием горизонтальных и вертикальных (например, соглашения хозяйствующих субъектов, не конкурирующих между собой, но при этом также не выступающих по отношению друг к другу как покупатель и продавец). Несмотря на то что иные антиконкурентные соглашения в теории зачастую рассматриваются как наименее опасные, на практике они встречаются достаточно часто и могут представлять серьезную угрозу отношениям конкуренции (например, к категории иных можно отнести соглашения между банками и страховыми компаниями об организации страхования заемщиков).

Современная судебная практика в области оценки антиконкурентных соглашений продолжает этап формирования. Прецедентным в этом отношении стало постановление Президиума ВАС РФ от 21 декабря 2010 г. № 9966/10 по делу № А27-12323/2009, в котором Президиум, отменяя решения нижестоящих судов, указал на то, что «факт наличия антиконкурентного соглашения не ставится в зависимость от его заключенности в виде договора по правилам, установленным гражданским законодательством... Положения статей 154, 160, 432, 434 Гражданского кодекса Российской Федерации в этом случае применению не подлежат». В пункте 9 Обзора по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о

³ См., например: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / отв. ред. И. Ю. Артемьев. М., 2015; Писенко К. А., Бадмаев Б. Г., Казарян К. В. Антимонопольное (конкурентное) право: учебник. 2014. Допущен из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Несмотря на то что буквальное толкование ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции наталкивает на мысль о невозможности заключения картельного соглашения субъектами, не осуществляющими ту или иную деятельность, а лишь имеющими намерение ее осуществлять, в литературе по этому поводу высказываются справедливые возражения. См., например: Научно-практиче-

ский комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / отв. ред. И. Ю. Артемьев.

защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере, утв. Президиумом ВС РФ 16 марта 2016 г., данная позиция подтверждена и дополнительно указано, что «законодательством не определено и не может быть определено, какие доказательства подтверждают факт заключения антиконкурентного соглашения, а также не установлены и не могут быть установлены требования к форме подтверждающих документов».

Однако существует и иная судебная практика, касающаяся прежде всего указанных в ст. 11 Закона о защите конкуренции запрещенных вертикальных и иных соглашений, когда арбитражные суды оценивают конкретные условия договора на предмет их соответствия требованиям законодательства о защите конкуренции, признавая соответствующую сделку (или отдельные ее условия) недействительными на основании норм ГК РФ⁵. Вместе с тем подобная практика крайне редка, обычно судебные органы ограничиваются констатацией наличия либо отсутствия нарушения той или иной части и пункта ст. 11 Закона о защите конкуренции в контексте оценки законности акта антимонопольного органа, не давая характеристики правовой природы заключенного соглашения как юридического факта. Отчасти это вызвано указанными решениями высших судебных инстанций, не требующих от судов устанавливать факт наличия гражданско-правового договора для констатации ограничивающего конкуренцию соглашения, а также недостаточной развитостью частных имуществен-

ных исков, связанных с защитой нарушенных прав участников экономических отношений. Судебные органы, с позиций законодательства о защите конкуренции, чаще решают вопрос о действительности либо недействительности тех соглашений, которые направлены на нарушение иных запретов, нежели указанные в ст. 11 Закона о защите конкуренции. Имеются в виду прежде всего соглашения, заключенные с нарушением требований, установленных ст. 17, 17¹, 19, а также рядом других норм Закона о защите конкуренции. Относительно признания указанных соглашений недействительными сделками сформировалась весьма обширная судебная практика⁶. Однако представляется необходимым сформулировать определенные суждения относительно юридической природы соглашений, предусмотренных ст. 11 Закона о защите конкуренции. Следует согласиться с тем, что данный вопрос важен в большей степени не для правоприменителей антимонопольного органа, а для хозяйствующих субъектов рынков, поскольку «в судебной практике отсутствуют критерии точной дифференциации между гражданско-правовым и публичным нарушением прав и нет ясности в применении соответствующих частноправовых мер защиты прав...»⁷. В науке по вопросу о юридической сущности ограничивающих конку-

⁵ См., например, постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29 апреля 2016 г. № Ф01-1294/2016 по делу № А79-2388/2015; постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 10 февраля 2014 г. № 05АП-16232/2013 по делу № А59-482/2013; постановление ФАС Центрального округа от 4 февраля 2011 г. по делу № А14-8178/2009/268/29.

⁶ См., например, постановление Президиума ВАС РФ от 11 марта 2014 г. № 16034/13 по делу № А53-17625/12; постановление Президиума ВАС РФ от 26 февраля 2013 г. № 12645/12 по делу № А19-21131/2011; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29 мая 2015 г. № Ф09-3436/15 по делу № А47-6467/2014; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18 ноября 2014 г. № Ф08-8708/2014 по делу № А32-42407/2013; постановление ФАС Поволжского округа от 20 июля 2009 г. по делу № А72-8694/2008.

⁷ Егорова М. А. Проблемы в правоприменении запретов *per se* на современном этапе // Право и экономика. 2017. № 6.

ренцию соглашений высказываются различные мнения. Так, одни авторы полагают, что запрещенные ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции картельные соглашения представляют собой более широкую категорию, нежели договор, поскольку «могут как устанавливать, изменять или прекращать права или обязанности сторон (т. е. способны быть гражданско-правовым договором), так и фиксировать лишь намерения сторон относительно будущих действий каждой из них в отношении себя или третьих лиц»⁸. Другие авторы в целом склоняются к признанию антиконкурентных соглашений недействительными сделками⁹. Наконец, высказывается мнение о том, что для разрешения тех или иных вопросов, связанных с ограничивающим конкуренцию соглашением, пользоваться нормами ГК РФ недопустимо¹⁰, поскольку соглашения — это не сделки, а антиконкурентные действия¹¹.

Комментируя указанные позиции, необходимо обратить внимание на то, что любое антиконкурентное соглашение, как следует из его законодательного определе-

ния, представляет собой договоренность, т. е. согласованную волю двух или более лиц, выраженную в устной или письменной форме и направленную на достижение определенной противоправной цели. Такого рода договоренность представляет собой неправомерное юридическое действие, запрещенное законодательством, т. е. недействительную сделку, к которой вполне могут быть применены нормы ГК РФ о недействительных сделках. В самом деле, ст. 153 ГК РФ под сделками понимает действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Сущностью сделки является волеизъявление субъекта, имеющее своей основой его волю. Сделки тем и отличаются от юридических поступков, что характеризуются определенной направленностью в соответствии с намерением субъектов, их заключивших. В случае же, когда договоренность субъектов имеет определенные пороки, говорят о недействительности сделки. Иными словами, недействительность (порочность) сделки — это действия, хотя бы и являющиеся сделкой или только именуемые «сделкой», но совершенные с нарушениями предусмотренных законом правил¹².

Такая сделка может быть совершена как в устной либо письменной форме, так и путем конклюдентных действий. В связи с этим нельзя согласиться с тем, что при оценке антиконкурентных соглашений недопустимо использование норм гражданского законодательства. Представляется, что антиконкурентные соглашения следует рассматривать как двусторонние или многосторонние противоправные волевые действия юридически равноправных субъектов, нарушающие права и законные интересы других лиц,

⁸ Комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / под ред. В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петрова. М., 2013.

⁹ См., например: Борзило Е. Ю. К вопросу о влиянии антимонопольных правил и критериев оценки на принцип равенства участников предпринимательской деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1; Шайхеев Т. И. Коллективная монополистическая деятельность по российскому законодательству и законодательству зарубежных стран // Вестник арбитражной практики. 2014. № 4.

¹⁰ См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / отв. ред. И. Ю. Артемьев.

¹¹ См.: Балашкевич И. В. Соотношение регулирования соглашения о совместной деятельности Гражданским кодексом Российской Федерации и Законом о защите конкуренции // Юрист. 2017. № 3.

¹² См.: Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. С. А. Степанова. М.; Екатеринбург, 2010.

т. е. юридические факты, влекущие гражданско-правовые последствия. Однако может возникнуть вопрос: являются ли антиконкурентные соглашения недействительными сделками либо иными неправомерными юридическими (фактическими) действиями? Представляется, что сущностью антиконкурентного соглашения является договоренность о принятии на себя определенных противоправных обязательств действовать в дальнейшем тем или иным образом и в этом контексте оно имеет сделочную природу. Как отмечается в юридической литературе, сделка, совершенная в нарушение закона, все же не превращается в деликт именно потому, что и незаконная сделка отличается от деликта направленностью на юридический, а не на фактический результат¹³. Другое дело, что недействительную сделку в широком смысле также следует рассматривать как неправомерное действие. Вместе с тем ограничивающие конкуренцию соглашения могут помимо гражданско-правовых влечь также административно-правовые последствия и в этом смысле быть юридическими фактами как гражданского, так и административного права. Отнесение антиконкурентных соглашений к категории недействительных сделок позволит в том числе предъявлять требования о возмещении убытков, вреда к участникам данного соглашения, если в результате исполнения такого соглашения были причинены убытки другим хозяйствующим субъектам либо потребителям.

В литературе также высказывается мнение об отнесении ограничивающих конкуренцию соглашений к числу организационных гражданско-правовых договоров¹⁴ либо непоиме-

нованных договоров¹⁵. Однако представляется, что подобная оценка антиконкурентного соглашения вряд ли обоснованна, поскольку ч. 1 ст. 167 ГК РФ устанавливает общее правило, согласно которому недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. Следовательно, антиконкурентное соглашение не порождает правовых последствий, свойственных тем или иным гражданско-правовым договорам, а порождает лишь последствия, связанные с его недействительностью.

Помимо соглашений законодательство о защите конкуренции оперирует таким термином, как «*согласованные действия*», понимая под ними действия хозяйствующих субъектов на товарном рынке при отсутствии соглашения, удовлетворяющие совокупности следующих условий:

1) результат таких действий соответствует интересам каждого из указанных хозяйствующих субъектов;

2) действия заранее известны каждому из участвующих в них хозяйствующих субъектов в связи с публичным заявлением одного из них о совершении таких действий;

3) действия каждого из указанных хозяйствующих субъектов вызваны действиями иных хозяйствующих субъектов, участвующих в согласованных действиях, и не являются следствием обстоятельств, в равной мере влияющих на все хозяйствующие субъекты на соответствующем товарном рынке.

тей IV Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» / под ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. М., 2017.

¹⁵ См.: Рыженков А. Я. Ограничения принципа свободы договора в антимонопольном законодательстве // Конкурентное право. 2015. № 4.

¹³ См.: Склоцкий К. И. Сделка и ее действие. 2-е изд. Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). М., 2015.

¹⁴ См.: Егорова М. А. Картель как разновидность сделки // Сборник научных ста-

Законодательство и судебные органы исходят из того, что соглашения и согласованные действия — это разные составы правонарушений, это общепризнано и в теории конкурентного права. Вместе с тем некоторые авторы отмечают, что «в Законе о защите конкуренции отсутствуют четкие квалифицирующие признаки устного соглашения, а также не сформированы единые стандарты доказывания данного правонарушения в практике ФАС России и судов», указывают на необходимость формирования «четких и единообразных стандартов доказывания для антиконкурентных согласованных действий и соглашений в устной форме»¹⁶. Возникает вопрос: в чем отличие ограничивающих конкуренцию соглашений от согласованных действий?

Отдельные попытки ответить на данный вопрос есть в литературе, однако единства мнения у авторов нет. Например, указывается, что в отличие от соглашения в случае согласованных действий «информационный обмен осуществляется их участниками в форме распространения соответствующей информации для неопределенного круга лиц, а также одностороннего информирования заинтересованных лиц»¹⁷. Другие авторы, наоборот, для согласованных действий подчеркивают важность предварительного информационного обмена между хозяйствующими субъектами, наличия регулярных и формализованных контактов с целью определения своего последующего согласованного поведения¹⁸. В пункте 2 постановления Пленума ВАС РФ от 30 июня 2008 г. № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с приме-

нением арбитражными судами антимонопольного законодательства» разъясняется, что о согласованности действий, в числе прочих обстоятельств, может свидетельствовать тот факт, что они совершены различными участниками рынка относительно единообразно и синхронно при отсутствии на то объективных причин. Вместе с тем нельзя отождествлять согласованные действия с непреднамеренным экономическим параллелизмом как одинаковой реакцией на изменение общих условий обращения товара на соответствующем товарном рынке. Возможно, для этих целей законодателем введен такой обязательный признак согласованных действий, как наличие публичного заявления одного из участников о совершении таких действий, хотя вряд ли подобную правовую конструкцию можно признать оправданной, поскольку антиконкурентные согласованные действия, как, впрочем, и антиконкурентные соглашения, обычно не афишируются их участниками. Представляется, что для согласованных действий характерны не предварительная взаимная согласованность поведения с целью достижения определенной цели, свойственная соглашению как договоренности, и даже не предварительный и формализованный информационный обмен, а схожесть и одновременность действий при отсутствии на то объективных экономических причин. В этом смысле согласованные действия являются неправомерными действиями, которые реализуются каждым из участвующих в них субъектов в одностороннем порядке при наличии осведомленности об указанных действиях других лиц. Именно такая трактовка согласованных действий содержится в указанном постановлении Пленума ВАС РФ и ряде определений высших судебных инстанций¹⁹.

¹⁶ Соколовская Е. Проблемы квалификации антиконкурентных соглашений // Конкуренция и право. 2011. № 3.

¹⁷ Сушкевич А. Г. Указ. соч.

¹⁸ См.: Конкурентное право России / отв. ред. И. Ю. Артемьев, С. А. Пузыревский, А. Г. Сушкевич. С. 208.

¹⁹ См., например, определение ВС РФ от 25 сентября 2014 г. № 308-КГ14-988 по делу

В любом случае в настоящее время в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда антимонопольные и судебные органы одинаковые действия субъектов оценивают либо как антиконкурентные соглашения, либо как согласованные действия, что ставит проблему определения более четких правовых критериев разграничения данных форм антиконкурентного поведения. Более того, отмечается, что в тех случаях, когда антимонопольному органу не хватает доказательств для установления квалифицирующих признаков согласованных действий, Федеральная антимонопольная служба квалифицирует соответствующее поведение как антиконкурентное соглашение в устной форме, квалифицирующие признаки которого отсутствуют в Законе о защите конкуренции, что облегчает задачу по формированию доказательственной базы²⁰.

Говоря о недействительности ограничивающих конкуренцию соглашений, отметим, что в науке конкурентного права и судебной практике не сложилась единая позиция относительно вида их недействительности. Одни авторы предлагают рассматривать антиконкурентные соглашения в качестве недействительных ничтожных сделок²¹, другие — склоняются к их оспоримости²². Определенную актуальность данному вопросу придает и то обстоятельство, что в настоящее время в ст. 168 ГК РФ презумпция ничтожности недействительной сделки заменена на

презумпцию оспоримости. По мнению М. А. Егоровой, горизонтальные и вертикальные антиконкурентные соглашения, которые прямо указаны в Законе о защите конкуренции как недопустимые, нарушающие запреты *per se*, должны презюмироваться ничтожными, поскольку нарушают требования закона или иного правового акта и при этом посягают на публичные интересы. Что касается иных — условно-запрещенных соглашений (ч. 4 ст. 11 Закона о защите конкуренции), то они «должны презюмироваться действительными до тех пор, пока не будет доказан их негативный эффект на состояние конкуренции». С момента установления такого эффекта они также будут считаться ничтожными²³. Однако здесь сразу же возникают сомнения относительно второй категории антиконкурентных соглашений, так называемых условно-запрещенных соглашений. Если они изначально презюмируются как действительные, а в дальнейшем в судебном порядке будет доказан их негативный эффект, т. е. ограничение данными соглашениями конкуренции, то такие сделки нужно относить к категории оспоримых, т. е. действительных изначально, но признанных незаконными впоследствии (ст. 166 ГК РФ). Что же касается абсолютно недопустимых антиконкурентных соглашений (ч. 1, 2 ст. 11 Закона о защите конкуренции), то современное законодательство действительно создает предпосылки для квалификации их в качестве ничтожных. Вместе с тем проблема может быть сформулирована шире и касаться самих критериев ничтожности сделки, указанных в ст. 168 ГК РФ. Данная статья к числу ничтожных относит сделки,

№ А32-14488/2011; определение ВАС РФ от 11 июля 2012 г. № ВАС-8258/12 по делу № А72-1310/2011.

²⁰ См.: Соколовская Е. Указ. соч.

²¹ См.: Ульянов И. А. Влияние законодательства о защите конкуренции на гражданско-правовые сделки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 13.

²² См.: Рего А., Толстобров С. Проблемы оспаривания сделок, совершенных с нарушением антимонопольного законодательства // Корпоративный юрист. 2010. № 9.

²³ См.: Егорова М. А. Некоторые проблемы недействительности сделок, нарушающих требования антимонопольного законодательства. Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений: монография / отв. ред. А. В. Габов. М., 2016. С. 334.

нарушающие требования закона или иного правового акта и при этом посягающие на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц. Понятия публичных интересов законодатель не дает, оно содержится в теории права и разъяснениях высшей судебной инстанции. Так, в п. 75 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что под публичными интересами следует понимать «интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды». Однако сразу возникают вопросы: что значит интересы неопределенного круга лиц как публичный интерес? Какие интересы — частные или публичные — нарушают, например, такие антиконкурентные соглашения, как соглашения, приводящие к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах, отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками), которые отнесены Законом о защите конкуренции к числу абсолютно недопустимых антиконкурентных соглашений (ч. 1 ст. 11) и которые в связи с этим в литературе предлагается рассматривать как ничтожные, направленные на обеспечение публичных интересов?

Представляется, что оценка многих ограничивающих конкуренцию соглашений с позиций нарушения частных или публичных интересов способна вызвать трудности. Между тем от отнесения недействительной сделки к категории ничтожных или оспоримых зависит срок исковой давности для заявления требований, связанных с ее недействительностью. Для требований, связанных с признанием оспоримой сделки недействительной, он составляет один год, а для приме-

нения последствий недействительности ничтожной сделки — три года. В связи с этим полагаем, что законодатель необоснованно установил приоритет публичных интересов над частными, закрепив ничтожность сделок, нарушающих публичные интересы. Это при том, что понятие публичных интересов нормативно не определено и достаточно абстрактно, что, в свою очередь, может привести к их различному толкованию правоприменительными органами. В свое время справедливо отмечалось: «То, что в одну эпоху регулировалось по началам юридической децентрализации и, следовательно, относилось к области частного права, в другую эпоху перестраивалось по типу юридической централизации и таким образом переходило в область публичного права, и наоборот»²⁴. Кроме того, следует отметить, что в соответствии со ст. 8 Конституции РФ в России признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности, а ст. 19 закрепляет равенство субъектов перед законом и судом. В настоящее время в юридической литературе отмечается, что высказываемый тезис о ничтожности антиконкурентных сделок является несостоятельным в реалиях современного российского законодательства и правоприменения, поскольку «применение данного принципа как раз создаст неопределенность в хозяйственных отношениях — стороны могут много лет исполнять сделку, добросовестно заблуждаясь в отношении ее действительности, а затем после решения антимонопольного органа и иска любого лица столкнутся с последствиями требований о реституции»²⁵.

²⁴ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 40.

²⁵ Борзило Е. Ю. Антимонопольные риски предпринимательской деятельности: науч.-практ. руководство. М., 2014.

С учетом изложенного представляется, что из ст. 168 ГК РФ следует исключить посягательство на публичные интересы как основание для признания сделки ничтожной, оставив таким основанием лишь нарушение прав и законных интересов третьих лиц. Кроме того, следует увеличить срок исковой давности для оспоримых сделок, поскольку годичный срок исковой

давности представляется недостаточным для оспаривания подобных сделок в силу своей краткости.

В качестве возможных правовых последствий ограничивающих конкуренцию соглашений следует называть двустороннюю реституцию, возмещение убытков, а также перечисление в федеральный бюджет полученного в результате такого соглашения дохода.

Библиографический список

Балашкевич И. В. Соотношение регулирования соглашения о совместной деятельности Гражданским кодексом Российской Федерации и Законом о защите конкуренции // Юрист. 2017. № 3.

Борзило Е. Ю. Антимонопольные риски предпринимательской деятельности: науч.-практ. руководство. М., 2014.

Борзило Е. Ю. К вопросу о влиянии антимонопольных правил и критериев оценки на принцип равенства участников предпринимательской деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1.

Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. С. А. Степанова. М.; Екатеринбург, 2010.

Егорова М. А. Картель как разновидность сделки // Сборник научных статей IV Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» / под ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. М., 2017.

Егорова М. А. Некоторые проблемы недействительности сделок, нарушающих требования антимонопольного законодательства. Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений: монография / отв. ред. А. В. Габов. М., 2016.

Егорова М. А. Проблемы в правоприменении запретов *per se* на современном этапе // Право и экономика. 2017. № 6.

Комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / под ред. В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петрова. М., 2013.

Конкурентное право России: учебник / отв. ред. И. Ю. Артемьев, С. А. Пузыревский, А. Г. Сушкевич. М., 2014.

Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / отв. ред. И. Ю. Артемьев. М., 2015.

Писенко К. А., Бадмаев Б. Г., Казарян К. В. Антимонопольное (конкурентное) право: учебник. 2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001.

Рего А., Толстобров С. Проблемы оспаривания сделок, совершенных с нарушением антимонопольного законодательства // Корпоративный юрист. 2010. № 9.

Рыженков А. Я. Ограничения принципа свободы договора в антимонопольном законодательстве // Конкурентное право. 2015. № 4.

Скловский К. И. Сделка и ее действие. 2-е изд. Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). М., 2015.

Соколовская Е. Проблемы квалификации антиконкурентных соглашений // Конкуренция и право. 2011. № 3.

Сушкевич А. Г. Антиконкурентные соглашения: запреты, исключения из запретов и их пределы в новом Федеральном законе «О защите конкуренции» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 6.

Ульянов И. А. Влияние законодательства о защите конкуренции на гражданско-правовые сделки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

Шайхеев Т. И. Коллективная монополистическая деятельность по российскому законодательству и законодательству зарубежных стран // Вестник арбитражной практики. 2014. № 4.